

ЮРИСЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Журнал основан в 1999 г.

№ 17

2020

Учредитель

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор

А.А. Васильев, Алтайский государственный университет

Редакционная коллегия

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет, Алтайская лаборатория судебной экспертизы

Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет

Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет

М.В. Горбаневский, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам

А.М. Плотникова, Уральский федеральный университет, Уральский региональный центр судебной экспертизы

П.А. Манянин, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю

О.В. Барабаш, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета

Н.Н. Шпильная, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет

Л.Г. Ким, Кемеровский государственный университет

Е.В. Кишина, Кемеровский государственный университет

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет

Е.С. Аничкин, Алтайский государственный университет

Модератор журнала

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет

Адрес редакции: 656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 413а.

Адрес издателя: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: doroninasv@filo.asu.ru

Адрес сайта журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/urisl/index>

Адрес в системе РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=31947

Журнал утвержден к печати объединенным научно-техническим советом АлтГУ.

ISSN 2587-9332

Рег. номер Эл № ФС77-78616 (решение от 30.07.2020 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Язык права	
<i>Васильев А.А., Шпоппер Д.</i>	5
ТЕРМИНЫ «НАУКА» И «НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» В ПРАВОВЫХ ТЕКСТАХ И ДОКТРИНЕ	
Правовая коммуникация	
<i>Шульгина К.В.</i>	8
СПОСОБЫ И ПРОБЛЕМЫ ФИКСАЦИИ НЕНОРМАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОТОКОЛЕ ДОПРОСА	
Юридическая техника	
<i>Исаков В.Б.</i>	12
ГРАФИЧЕСКИЙ ЯЗЫК В ПРАВЕ	
Лингвоэкспертология	
<i>Акинина А.В.</i>	16
АНАЛИЗ СЛОВЕСНЫХ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ НА СХОДСТВО ДО СТЕПЕНИ СМЕШЕНИЯ: АЛГОРИТМ РАБОТЫ ЭКСПЕРТА-ЛИНГВИСТА (НА ПРИМЕРЕ РЕАЛЬНОГО ЭКСПЕРТНОГО КЕЙСА)	
<i>Изотова Т.М.</i>	19
НАМЕРЕННОЕ ИСКАЖЕНИЕ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ КАК ПРЕДМЕТ АВТОРОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	

CONTENTS

Language of Law	
<i>Vasiliev A.A., Schopper D.</i>	5
THE TERMS "SCIENCE" AND "SCOLARLY ENDEAVOR" IN LEGAL TEXTS AND DOCTRINE	
Legal Communication	
<i>Shulgina K.V.</i>	8
ISSUES AND WAYS OF RECORDING OBSCENITIES IN TRANSCRIPT OF INTERROGATION	
Legal Technique	
<i>Isakov V.B.</i>	12
GRAPHIC LANGUAGE IN LAW	
Linguoexpertology	
<i>Akinina A.V.</i>	16
ANALYSIS OF VERBAL TRADEMARKS FOR SIMILARITY TO THE POINT OF CONFUSION: ALGORITHM FOR THE WORK OF A FORENSIC LINGUIST (CASE STUDY)	
<i>Izotova T.M.</i>	19
DELIBERATE DISTORTION OF WRITTEN SPEECH AS A SUBJECT OF AUTHORSHIP EXPERTISE	

Термины «наука» и «научная деятельность» в правовых текстах и доктрине

А.А. Васильев¹, Д. Шпоппер²

¹Алтайский государственный университет

²Поморская Академия, г. Слупск

Пр. Социалистический, 68, 656049, г. Барнаул, ¹E-mail: anton_vasiliev@mail.ru; ²E-mail: dar.szpopper@gmail.com

В исследовании рассматривается понятие «наука» сквозь призму языка права и юридической доктрины. Авторы отмечают необходимость фиксации рабочего определения науки в правовых актах, поскольку данный термин имеет практическое значение при квалификации тех или иных отношений в качестве научных. В статье обращается внимание на нечеткость понятия «наука» в российском законодательстве, отсутствие в легальной дефиниции такого признака как творческий характер научного знания.

Ключевые слова: язык права, юридическая техника, наука, научная деятельность, научное право, научные правоотношения.

The Terms "Science" and "Scholarly Endeavor" in Legal Texts and Doctrine

A.A. Vasiliev¹, D. Schopper²

¹Altai State University

²Pomor Academy, Slupsk

68 Socialistichesky st., 656049, Barnaul, ¹E-mail: anton_vasiliev@mail.ru; ²E-mail: dar.szpopper@gmail.com

The study examines the concept of "science" through the prism of the language of law and legal doctrine. The authors claim the need to put down the working definition of science in legal acts, since this term has a practical meaning when qualifying certain relations as scientific. The article draws attention to the vagueness of the concept of "science" in the Russian legislation, the absence of such a feature as the creative nature of scientific knowledge in the legal definition.

Key words: language of law, legal technology, science, scholarly endeavor, science law, legal relations in science.

Для обособления «научного права» в качестве самостоятельного элемента системы права необходимо существование двух основных признаков:

- самостоятельный предмет правового регулирования;
- особый метод правового регулирования.

Среди дополнительных критериев обособления отраслей права в юридической литературе называют: принципы права, наличие кодифицированного акта, самостоятельная учебная дисциплина, особое научное направление и пр.

Безусловно, предмет научного права тесно увязан с сущностью науки как разновидности человеческой деятельности. Понятие науки в рамках «научного права» приобретает юридический смысл и имеет правовое значение. Правовое понятие науки позволяет отграничить научное право от иных отраслей права и имеет важное практическое значение. Так, понятие науки определяет юридическую природу договора на выполнение НИОКТР, проводя водораздел между этим договором и иными договорами на выполнение работ. Наличие признаков науки в деятельности ученых является одним из условий присуждения ученых степеней и ученых званий, является критерием для проведения научно-экспертной деятельности при определении возможности финансирования конкретных научных проектов. Понятие науки важно для разграничения с лженаукой, определением плагиата в публикациях и т.п.

Несмотря на продолжающуюся дискуссию относительно понятия науки, в философской литературе сложилось несколько подходов:

- наука как знание;
- наука как разновидность познания, процесс получения нового знания;
- наука как социальный институт воспроизводства знаний.

К признакам науки в классической версии относят:

- систематическая деятельность по получению новых знаний;
- новизна знания;
- рациональный характер познания;
- проверяемость знаний путем использования опытов и экспериментов;
- внутренняя непротиворечивость знания;
- воспроизводимость, возможность повторного получения и передачи научного знания;

- достоверность, соответствие научного знания объективной действительности, исключение субъективного компонента [Степин 2012: 34].

Однако классический тип рациональности, который господствует до сих пор в правоведении, сменялся на протяжении трех веков неклассическим и постнеклассическим типами научной рациональности, поставившими под сомнение классическое понимание науки с установками на объективность и истинность. Так, И.В. Черникова пишет относительно типов научной рациональности: «В классическом типе научной рациональности внимание сосредоточено на объекте, насколько это возможно выносятся за скобки все, что относится к субъекту и средствам деятельности. Для неклассической рациональности характерна идея зависимости, связи объекта со средствами и операциями деятельности, учет этих средств и операций является условием получения истинного знания об объекте. Постнеклассическая рациональность соотносит знания не только со средствами познания, но и с ценностными структурами деятельности» [Черникова 2012: 94]. На первый план выходит влияние личности исследователя на результаты научного поиска, учет возможной ошибки и вероятностное представление об истине.

Анализ международных и национальных источников права демонстрирует использование классического подхода к понятию «наука». Объяснение кроется в том, что неклассические и постнеклассические трактовки науки не позволяют сформулировать относительно непротиворечивое определение науки в правовых текстах, что ведет за собой нарушение как требований юридической техники, так и правовой определенности.

В документах ЮНЕСКО наука определяется как «деятельность, с помощью которой человечество, индивидуально либо небольшими или большими группами, предпринимает организованную попытку путем объективного изучения наблюдаемых явлений и подтверждения истинности его результатов путем обмена сделанными выводами и полученными данными, а также коллегиального обзора открыть и понять причины, отношения или взаимосвязь различных явлений; сводит воедино в скоординированной форме подсистемы знаний путем систематического отражения и объяснения с помощью понятий; и посредством этого обеспечивает себе возможность использовать в своих интересах понимание процессов и явлений, происходящих в природе и обществе» [Рекомендация ЮНЕСКО 2018: 12].

Примечательно, что в актах ЮНЕСКО научно-техническая деятельность является более широким понятием чем научная деятельность и включает в себя научную деятельность, экспериментальные разработки, научно-техническое образование, научно-технические службы. В российском праве, наоборот, научно-техническая деятельность является составной частью научной деятельности. Очевидно, необходима гармонизация российского права с международными актами в сфере науки.

В международном справочнике по вопросам статического учета научной, технологической и инновационной деятельности, подготовленном Организацией экономического сотрудничества и развития, научной признается деятельность, которая характеризуется: новизной, креативностью, неопределенностью, невозможностью заранее точно спрогнозировать результат, систематичностью, передаваемостью и воспроизводимостью [Федеральный закон от 23.08.1996 N 127-ФЗ, 14].

В ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» вместо термина наука используется легальное определение научной деятельности и научно-технической деятельности. Под научной деятельностью понимается деятельность, направленная на получение и применение новых знаний. Научно-техническая деятельность определяется как деятельность, направленная на получение, применение новых знаний для решения технологических, инженерных, экономических, социальных, гуманитарных и иных проблем, обеспечения функционирования науки, техники и производства как единой системы [Международные нормативные акты ЮНЕСКО 1993: 1].

В юридической литературе совершенно обоснованно отмечается, что законодатель использует неполное понятие научной деятельности – деятельность, направленная на получение и применение новых знаний. В этом определении отсутствует такой критерий, как творчество, что вызывает оправданную критику в юридической науке. Д. В. Мурзин, сравнивая положения этого закона и Рекомендации ЮНЕСКО «О стандартизации международной статистики в области науки и техники» (Париж, 27 ноября 1978 г.), отмечает, что «в дефинициях понятий "научные исследования и экспериментальные разработки" и "научно-исследовательская деятельность", приведенных в Рекомендациях ЮНЕСКО, неизменно обращается внимание на то, что это творческая деятельность, а в российских легальных определениях отсутствуют указания на творческий характер научной деятельности» [Мурзин 2019: 168.]. Далее ученый подробно аргументирует позицию о том, что непризнание за наукой творческого характера деятельности противоречит социальным реалиям и данным современного науковедения. Кроме того, такое определение смещает акцент на коммерциализацию результатов научной деятельности, сужая сферу научного творчества [Мурзин 2019: 15].

Такие дефекты в дефинициях научной деятельности влекут за собой размывание предмета правового регулирования, ведут к отсутствию правовой определенности при квалификации отношений в качестве научных правоотношений.

Следует отметить, что определение предметных границ «научного права» вызывает определенные затруднения вследствие размытости круга регулируемых отношений. Тем не менее, в предмет «права науки» можно включить общественные отношения, которые складываются в процессе научной, научно-технической и инновационной деятельности. Предмет правового регулирования или научные отношения включают в себя:

- отношения в сфере формирования и реализации государственной научно-технической политики;
- отношения в сфере трудовой деятельности научных работников, регулирования статуса ученых;
- отношения в сфере создания и деятельности научных организаций;
- отношения в сфере государственного управления научной деятельностью;
- отношения в сфере научной экспертизы, экспертного сопровождения государственных научных программ и правовых актов;
- отношения в сфере оформления прав на результаты научной деятельности;
- отношения в сфере коммерциализации и использования результатов научной деятельности (инновационные отношения) [Городов 2008: 10];
- отношения в сфере установления и применения специальных правовых статусов и режимов в отношении научных организаций и научно-инновационных территорий;
- отношения в сфере финансирования научных исследований (в том числе создания и деятельности научных фондов, порядка отбора научных проектов по государственному заданию, государственному заказу или на основе конкурса грантов);
- отношения в сфере налогообложения научной деятельности, малых инновационных предприятий и хозяйствующих субъектов, которые внедряют результаты научно-технической деятельности или выпускают наукоемкую продукцию;
- отношения в сфере международного научного сотрудничества;
- отношения в сфере использования научного оборудования, режима специальных научных установок (в том числе класса мегасайенс) и пр.

Отмеченные «научные отношения» обладают определенной спецификой. Во-первых, занятие наукой связано с творческой деятельностью, которая не терпит вмешательства извне и предполагает как автономию исследователя, так и признание риска возможного неполучения научного продукта. Соответственно, в предмет правового регулирования не может включаться сам творческий процесс по получению нового знания. Праву под силу воздействовать на «околонаучные отношения», связанные с

управлением, организацией, финансированием, созданием условий для успешного занятия научной деятельностью. Во-вторых, одним из участников научных отношений является ученый (научный работник), коллектив исследователей или научная организация, без которых невозможно проведение научных исследований.

Таким образом, авторы статьи приходят к выводу о том, что термины «наука» и «научная деятельность» нуждаются в коррекции в российском законодательстве с точки зрения учета творческого компонента в легальном определении. Кроме того, нуждаются в нормативной регламентации все виды деятельности в сфере науки: научная, научно-техническая, научно-экспертная, научно-просветительская.

Литература

Городов О.А. Правовая инноватика. Правовое регулирование инновационной деятельности. СПб., 2008.

Международные нормативные акты ЮНЕСКО. М., 1993.

Мурзин Д.В. Проблемы правового регулирования научной деятельности как деятельности творческой / Российский юридический журнал. – 2019. – № 4. – С. 167-175.

Мурзин Д.В. Правовая природа результатов научной деятельности / Российское право: образование, практика и наука. – 2019. – № 2. – С. 15.

Рекомендация ЮНЕСКО 2017 «В отношении научной деятельности и научных работников». / Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Акты Генеральной конференции. Т.1. Резолюция. 39-я сессия. Париж, 2018.

Стёпин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М., 2006.

Федеральный закон от 23.08.1996 N 127-ФЗ (ред. от 31.07.2020) "О науке и государственной научно-технической политике"/ Собрание законодательства РФ. 26.08.1996 г., N 35, ст. 4137.

Черникова И.В. Природа науки и критерии научности / Гуманитарный вектор. – 2012. – № 3. – С. 94.

Черникова И.В. Философия и история науки. Томск, 2011.

References

Chernikova, I.V. (2012). The nature of science and criteria of scientific character. Humanitarian vector. No. 3. (in Russian).

Chernikova I.V. (2011). Philosophy and history of science. Tomsk (in Russian).

Federal Law of 23.08.1996 N 127-FZ (as amended on 31.07.2020) "On Science and State Scientific and Technical Policy". Collected Legislation of the Russian Federation. 26.08.1996. No. 35. Art. 4137 (in Russian).

Gorodov, O.A. (2008). Legal innovation. Legal regulation of innovation. St. Petersburg (in Russian).

International normative acts of UNESCO (1993). Moscow (in Russian).

Murzin, D.V. (2019). Problems of legal regulation of scientific activity as creative activity. Russian legal journal. No. 4 (in Russian).

Murzin, D.V. (2019). The legal nature of the results of scientific activity. Russian law: education, practice and science. No. 2 (in Russian).

Stepin, V. S. (2006). Philosophy of Science. Common problems. Moscow (in Russian).

UNESCO Recommendation 2017 "Concerning Scientific Activities and Scientific Workers" (2018). United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. General Conference Records. Vol. 1. Resolution. 39th session. Paris (in Russian).

Citation:

Васильев А.А., Шпоппер Д. Термины «наука» и «научная деятельность» в правовых текстах и доктрине. // Юрислингвистика. – 2020. – 17. – С. 5-7.

Vasiliev, A.A., Schopper, D. (2020). The terms "science" and "scientific activity in legal texts and doctrine. Legal Linguistics, 17, 5–7.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Способы и проблемы фиксации ненормативной лексики в протоколе допроса

К. В. Шульгина

Красноярский государственный университет

Свободный пр. 79, 660041, Красноярск, Россия. E-mail: watermark2@yandex.ru

Статья посвящена исследованию применяемых в настоящее время представителями органов предварительного следствия способов фиксации ненормативной лексики в протоколе допроса при расследовании преступлений об оскорблении. Исследование проводится на материале протоколов допроса лиц, являющихся свидетелями, потерпевшими и обвиняемыми по указанной категории уголовных дел.

Ключевые слова: протокол допроса, оскорбление, ненормативная лексика, эвфемизм.

Issues and Ways of Recording Obscenities in Transcript of Interrogation

K. V. Shulgina

Krasnoyarsk State University

79 Svobodny pr., 660041, Krasnoyarsk, Russia. E-mail: aksenova-galina@inbox.ru

The article considers the methods of recording obscenities in the transcript of interrogation currently used by representatives of the pretrial investigation authorities while investigating crimes of insult. The research is a case study of valid transcripts of interrogation of persons who are witnesses, victims and accused within this category of criminal cases.

Key words: interrogation transcript, insult, obscenity, euphemism.

Представители следственных органов, осуществляя полномочия в сфере уголовного судопроизводства, занимаются в том числе расследованием деяний, преступность и наказуемость которых определяются статьями 319 и 297 Уголовного кодекса Российской Федерации. Объективную сторону данных преступлений составляет прежде всего событие оскорбления. В статье речь идет о расследовании преступлений об унижении чести и достоинства представителей власти, участников судебного разбирательства, судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, выраженном непосредственно в вербальной форме.

Как показывает следственная практика, основным источником доказательственной информации о событии оскорбления служит протокол допроса. В данном официальном документе лицо, проводящее допрос, отражает его ход и результаты, иными словами, агрегирует реплики лица, дающего показания, в дескриптивное целое – повествовательную часть протокола допроса о конфликтном коммуникативном событии. Дескриптивная составляющая протокола допроса включает в себя конститутивные описательные компоненты, характеризующие ситуацию конфликтной коммуникации. К данным компонентам относятся следующие:

1. спациональный (от лат. spatium – пространство, время) компонент: описание коммуникативного пространства и времени события оскорбления;
2. партиципантный (от лат. participant – участник) компонент: описание состава участников события оскорбления;
3. паралингвистический (от греч. παρά – около) компонент: описание невербального поведения партиципантов конфликтного коммуникативного события – телесных поз, жестов, громкости голоса, визуального поведения и т.д.;
4. вербальный (от лат. verbalis – словесный) компонент: воспроизведение конфликтного речевого произведения, сопряженного с созданием допрашиваемым вторичного текста, сохраняющего семантическую и формальную структуру текста-основы.

Приведем примеры реализации вышеперечисленных компонентов в действительных протоколах допроса (имена собственные, идентифицирующие субъектов, изменены).

Конфликтная коммуникативная ситуация 1: «<...> 26.11.2019 в 09 часов 00 минут я согласно графику дежурств ОГИБДД ОМВД России по Эвенкийскому району заступил на очередное дежурство <...> После заступления на дежурство я около 09 часов 30 минут выехал на патрулирование улиц с. Ванавара для обеспечения безопасности дорожного движения и охраны общественного порядка. По ходу движения после того, как я на своем служебном автомобиле пересек перекресток с улицей Катаганская, я увидел идущего по проезжей части мне навстречу пешехода, который двигался по проезжей части в нарушение п. 4.1 ПДД РФ. Когда я подъехал ближе и остановился перед пешеходом, которым, как потом оказалось, был ранее мне известный житель с. Ванавара Петров М.Н. <...> Петров М.Н. стал обходить мой служебный автомобиль со стороны водительской двери. Я после этого на своем служебном автомобиле продолжил движение и в зеркала заднего вида увидел, что Петров М.Н. на мое замечание не отреагировал и продолжил движение по проезжей части улица Спортивная, хотя у него имелась возможность перейти на тротуар. <...> Выйдя из служебного автомобиля, я окрикнул Петрова М.Н., чтобы тот остановился, но Петров М.Н. не реагировал и продолжал двигаться в сторону спортивного зала. <...> Не доходя до перекрестка с улицей Метеоритная, я попытался остановить Петрова М.Н., схватив его рукой за правое плечо и развернув его в свою сторону, но Петров М.Н., высказывая мне претензии по поводу моих законных действий развернулся и снова стал от меня уходить. Я продолжил движение за Петровым М.Н. и, пройдя перекресток с улицей Метеоритная,

на обочине дороги, я снова догнал Петрова М.Н. и стал его останавливать, Петров М.Н. остановился и стал со мной ругаться, высказывать свое недовольство тем, что я его останавливаю, в это же время я стал преграждать Петрову М.Н. дорогу и препятствовать его уходу от меня, Петров М.Н. в ответ на это стал меня отталкивать в сторону, а потом стал выкрикивать в мой адрес оскорбительные выражения, а именно стал мне выкрикивать "Чё охренел, чё сука ох...л." <...>».

Таблица № 1

Конфликтная коммуникативная ситуация 1			
Допрашиваемые лица, их статус	Сообщение о ненормативном конфликтном речевом произведении, адресате/адресанте	Сообщение о невербальном поведении адресата/адресанта	Сообщение о коммуникативном пространстве и времени
Потерпевший Сидоров Р.П. (согласно анкетным данным в протоколе допроса)	Адресат конфликтного высказывания, не высказывал конфликтного речевого произведения, сделал замечание подозреваемому о нарушении им правил дорожного движения, требовал остановиться	Попытка остановить подозреваемого: захват рукой за правое плечо, преграждение ему дороги	В период исполнения адресатом служебных обязанностей (26 ноября 2019 года около 9 часов 30 минут, с. Ванавара, перекресток ул. Спортивной с ул. Метеоритная, обочина дороги)
Подозреваемый Петров М.Н. (согласно информации, отраженной в протоколе допроса)	Адресант конфликтного речевого произведения: «Чё охренел, чё сука ох...л.»	- конфликтное высказывание произнесено «громко» («стал мне выкрикивать»); - отталкивал потерпевшего	

Конфликтная коммуникативная ситуация 2: «<...> 02.04.2019 примерно в 14 часов 30 минут я приехал с участкового пункта полиции № 2 в отдел полиции № 2 МУ МВД России «Красноярское» <...> Проходя по коридору первого этажа отдела полиции мимо дежурной части, подходя к постовому я услышал, как Иванов М.К. сказал: "Мужчина с маленькой буквы", я остановился, чтобы посмотреть к кому он обратился. Когда я повернулся в сторону Иванова, то я понял, что он это сказал в адрес участкового Андреева, так как он смотрел Андрееву в глаза. Я обратил внимание на Андреева, который направил свой сотовый телефон в сторону Иванова, как я понял, что он снимал его на видеокамеру. <...> Иванов стал показывать средний палец своей правой руки в адрес Андреева, на что последний у него спросил зачем он показывает данный жест сотруднику полиции. <...> После чего гражданин Иванов стал кричать публично при гражданских лицах, так как в холле первого этажа находились граждане, обратился к Андрееву со словами: "Да пошел ты подальше, на три советских буквы.", а также стал громко публично на весь холл кричать: "Пошел на х*й пи*р е*ый". <...> "А ты понимаешь, что я тебя козла без погон поймаю и задавлю, понял.", при этом Иванов замахнулся своей левой рукой в адрес Андреева, было видно, что он хотел нанести ему удар, но у него не получилось, так как между ними была металлическая перегородка. При оскорблении и угрозы применения насилия в отношении Андреева, Иванов смотрел именно ему в глаза, было件нятно, что данные высказывания были адресованы Андрееву, так как они стояли друг напротив друга, между ними было расстояние около 20-30 см. В момент данных оскорблений и высказываний угрозы применения насилия в его адрес в непосредственной близости от него с Ивановым в том числе находились гражданские лица, как узнал позже фамилии их Алексеева и Николаев, которые видели данные действия Иванова и слышали оскорбления. <...>».

Таблица № 2

Конфликтная коммуникативная ситуация 2			
Допрашиваемые лица, их статус	Сообщение о ненормативном конфликтном речевом произведении, адресате/адресанте	Сообщение о невербальном поведении адресата/адресанта	Сообщение о коммуникативном пространстве и времени
Свидетель Орлов Д.К. (согласно анкетным данным в протоколе допроса)	- адресат (сотрудник полиции Андреев) конфликтного речевого произведения не высказывал	- производил видеофиксацию конфликтной коммуникативной ситуации	- в период исполнения адресатом служебных обязанностей (2 апреля 2019 года, примерно в 14 часов 30 минут в здании отдела полиции № 2 МУ МВД России «Красноярское» рядом с дежурной частью); - нарушение норм проксемики при контактном диалоге (уменьшение дистанции): «стояли друг напротив друга, между ними было расстояние около 20-30 см.»
Подозреваемый Иванов М.К. (согласно информации, отраженной в протоколе допроса)	- адресант конфликтного речевого произведения: «Пошел на х*й пи*р е*ый.»	- конфликтные речевые произведения произнесены «громко» (стал громко публично на весь холл кричать»); - прямой взгляд в глаза: «он смотрел Андрееву в глаза», «Иванов смотрел именно ему в глаза»; - манифестация негативного отношения к адресату с помощью кинемы «средний палец»: «Иванов стал показывать средний палец своей правой руки в адрес Андреева».	

В таблицах № 1, 2 представлены сообщения допрашиваемых лиц, характеризующие коммуникативное пространство и время речевого преступления, состав участников речевого конфликта, их вербальное и невербальное поведение. Совокупность этих описательных компонентов дает лицу, знакомящемуся с протоколами допроса, полное представление о имевших место в прошлом ситуациях

оскорбления. Показания как форма вербального моделирования восстанавливают объективную действительность, воспринятую органами чувств и зафиксированную в памяти участников уголовного судопроизводства с возможностью использования сохранившегося содержания.

Транслируемые в рассматриваемых протоколах допроса конфликтные речевые произведения содержат табуированную и бранную лексику, представленную в форме графических эвфемизмов:

1. «Чё охренел, чё сука ох...л.» (Конфликтная коммуникативная ситуация 1)
2. «Пошел на х*й пи*r е*ый.» (Конфликтная коммуникативная ситуация 2)

В первом примере следователь, фиксируя в протоколе допроса воспроизводимое допрашиваемым ненормативное, табуированное слово, использовал представленный многоточием «...» графический эвфемизм. Во втором примере ненормативные, оскорбительные слова зафиксированы следователем с помощью использования знака «*», отсекающего середину недопустимых к употреблению с морально-этической стороны судопроизводства слов. В протоколе допроса как процессуальном документе, составленном на государственном языке Российской Федерации, недопустимо, исходя из п. 6 ст. 1 Федерального закона от 1 июня 2005 г. N 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», использование ненормативных слов и выражений. Вероятно, следователь, используя в анализируемых нами ситуациях эвфемизмы, опирался именно на эту установленную законом норму. Однако отражение оскорбительных слов в протоколе допроса обусловлено задачами следствия. Произнесение конфликтного речевого произведения, содержащего «неприличную» лексику, является обстоятельством, подлежащим установлению через сообщение и анализ показаний. Зачастую для доказательства состава преступления следователь обращается к специалистам в области судебной лингвистической экспертизы, объектом исследования которых являются конфликтные высказывания – в таком случае становится очевидной необходимость и неизбежность отражения ненормативных фраз и слов в рамках протокола допроса, предоставляемого специалисту для проведения исследования.

В настоящем исследовании мы предлагаем в качестве наиболее приемлемого с точки зрения лингвоюридических норм способ фиксации ненормативных слов и выражений, опирающийся на явление эвфемии в русском языке. Как правило, оскорбительная (вульгарная, бранная, нецензурная) лексика, содержащая отрицательно-оценочные характеристики, используемая в отношении рассматриваемой группы лиц, содержит в своем значении архисмы «физиологические процессы и состояния», «половые отношения», «части тела, связанные с "телесным низом"», «умственные и моральные дефекты», «проступки, преступления, последствия» [Жеребило, Мейриева 2015]. «Неэтикетность», «неприличность» денотатов указанных семантических полей делает невозможной фиксацию их языковых обозначений в протоколе допроса.

Сохранить «неприличную» дословность конфликтного речевого произведения и точно передать смысл сообщений допрашиваемого возможно с помощью графических эвфемизмов. Именно этот способ эвфемизации, используемый следователями в представленных выше протоколах допроса, показал свою целесообразность и состоятельность в процессе уголовного судопроизводства. Так, замена в протоколе допроса ненормативной лексики, отражающей негативную оценку объекта номинации, на «благозвучные», стилистически нейтральные, соответствующие нормам общественной нравственности литературные или разговорные синонимы может привести к коммуникативной неудаче. Приведем несколько примеров из следственной практики таких «неудачных», нейтральных с точки зрения языка замен.

Конфликтная коммуникативная ситуация 3: «<...> В момент когда судья вышла из зала, Антонов Е.Н. <...> оскорблял меня как сотрудника прокуратуры, при этом назвав меня «толстым гомосексуалистом», что меня лично оскорбило. При этом я спросил у Антонова Е.Н., мне ли он адресовал это оскорбление, на что тот подтвердил, ответив: "да, тебе"».

Как мы видим, в протоколе допроса потерпевшего зафиксировано инвективное высказывание «толстый гомосексуалист», принадлежащее Антонову Е.Н., адресатом которого является сотрудник прокуратуры. Данное высказывание представляет собой субстантивное словосочетание, служащее экспликатом пропозиции характеристики.

Толстый – 2. Полный, тучный (о теле, туловище) [Кузнецов 2008: 1329].

Гомосексуалист – 1. Тот, кто испытывает гомосексуализм (о мужчине) [Ефремова 2006: 493].

Гомосексуализм – 1. Половое влечение к лицам своего же пола как вид сексуальной ориентации (противоп.: гетеросексуализм). 2. Половые отношения между лицами мужского пола как половое извращение; мужеложество [Ефремова 2006: 493].

В словосочетании «толстый гомосексуалист» оценочный компонент представлен в главном слове «гомосексуалист» и атрибутиве «толстый». Слово «гомосексуалист» содержит отрицательную коннотацию в своем значении. Слово «толстый» с нейтральным значением приобретает негативную коннотацию в контексте, так как, будучи словом-стимулом в составе указанного словосочетания, оно способно вызывать ассоциативную реакцию, где реализуется в том числе отрицательная оценочность:

толстый: тонкий 13; человек 11; дядя 6; кот, мужик 5; и тонкий 3; кошелек, писатель, шар 2; арбуз, барич, бегемот, блокнот, бобик, богатый, большой вес, боров, боязнь, брат, бумажник, бык, в меру, гад, горький, денежный мешок, день добрый, добряк, дядька, жирные, жирный, журнал, зад, конверт, конь, крем, круглый, кулак, лев, министр, много, муж, мужчина, пакет, парень, пень, портфель, придавит, ребенок, ремень, розовый, роман, столб, тетрадь, товарищ, толстой, том, упругий, уродина, фраер, хобот, хомяк, хряк 1; 105+63+2+54 [Русский ассоциативный словарь 2002: 659].

Таким образом, в высказывании «толстый гомосексуалист» содержится негативная оценка сотрудника прокуратуры, при этом слова «толстый» и «гомосексуалист» относятся к литературной лексике. Однако в материалах уголовного дела помимо указанного протокола допроса имелся дополнительный протокол допроса потерпевшего, согласно которому Антонов Е.Н. назвал сотрудника прокуратуры «жирным п...ром». Литературный синоним в данном случае полностью нивелировал «неприличную» языковую форму высказывания, в результате такого «сглаживания» был потерян важный признак, способствующий квалификации преступления.

Конфликтная коммуникативная ситуация 4: «<...> Тишкин Р.А. сравнивал ее с различными животными, называл женщиной с низкой социальной ответственностью, выражался критично по отношению к ее умственным способностям <...>».

В данном случае следователь использовал литературный синоним «женщина с пониженной социальной ответственностью» и описательный оборот «выражался критично по отношению к ее умственным способностям». Указанные литературный синоним и описательный оборот могли быть представлены в речи обвиняемого как лексикой, характеризующейся неприличностью языковой формы, так и совершенно нейтральными по форме словами, имеющими лишь неэтическое содержание.

Конфликтная коммуникативная ситуация 5: «<...> Войдя в кабинет, мужчина сразу же обратился к Мироновой А.А. с вопросом: "Ты чё тут, ..." (пропущен синоним слова "обнаглела").»

В указанном фрагменте протокола «неприличное», с точки зрения следователя, слово заменено на графический эвфемизм – знак многоточия «...» – и сопровождается комментарием «пропущен синоним слова "обнаглела"». Имеющегося комментария следователя недостаточно для идентификации замаскированного слова. Под эвфемизмом может быть скрыто как нецензурное слово, так и вульгаризмы, которые сами по себе являются эвфемизмами к нецензурному слову.

Перевод в литературную норму ненормативной лексики в протоколе допроса чаще всего возможен лишь с сохранением смысла сказанного. Приведенные примеры иллюстрируют, насколько сложно передать саму форму высказывания, его нормативность и стилистическую отнесенность.

Графические эвфемизмы способны органично присутствовать в протоколе допроса, не умаляя статус этого юридического документа, составленного действующим от имени публичной власти следователем. Смысл слов и их знаковая организация прозрачны при формальной маскировке с помощью графических эвфемизмов.

Оптимальным средством эвфемизации в протоколе допроса является синкопированный графический эвфемизм – середина ненормативного слова с целью избежания языкового обозначения посредством характеризующей ненормативной лексической единицы заменяется знаком многоточия «...» на месте гласных, образующих «ненормативный» корень слова: «х...й», «бл...дь» и под. Под «вуалью» графического эвфемизма несложно распознать ненормативную лексику и дать оценку ее соответствия узусу приличного общения. Отметим, что в случае использования адресантом конфликтного речевого произведения нестандартной, окказиональной (индивидуально-авторской) формы ненормативных слов необходимо сохранять в протоколе допроса их знаковую организацию (графемную структуру).

Проведенное исследование позволяет сделать выводы об отсутствии унифицированного подхода к отражению в протоколе допроса ненормативной лексики по делам об оскорблении. К наиболее приемлемому и эталонному способу фиксации ненормативной лексики, исходя из анализа приведенных выше примеров конфликтных высказываний, следует отнести использование графического эвфемизма, основанного на синкопе – замене середины ненормативного слова знаком многоточия «...». Данный эвфемизм не искажает смысла, в малой степени модифицирует языковое отображение ненормативного слова, выполняет социально-регулятивную роль, сохраняя этические нормы общения, а главное – не затрудняет понимания реципиентом.

Литература

Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. М., 2006. – Т.1: А-Л.

Жеребило Т.В., Мейриева А.С. Классификация эвфемизмов, используемых в современном русском языке. / *Фундаментальные исследования.* – 2015. – № 2-5. – С. 1107-1110. URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36992>.

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Спб., 2008.

Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М., 2002. – Т. I: От стимула к реакции.

Федеральный закон от 1 июня 2005 г. N 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/.

References

Efremova, T.F. (2006). Modern explanatory dictionary of the Russian language. Moscow (in Russian).

Zherebilo, T.V., Meirieva, A.S. (2015). Classification of euphemisms used in modern Russian. Basic research, 2-5, 1107-1110. Available from: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36992> (in Russian).

Kuznetsov, S.A. (2008). Great Dictionary of Russian language. St. Petersburg (in Russian).

Russian associative dictionary. (2002). Karaulov, Yu.N., Cherkasova, G.A., Ufimtseva, N.V., Sorokin, Yu.A., Tarasov, E.F. Vol. 1. Moscow (in Russian).

Federal Law dated 1.06.2005 N 53-FZ «About the state language of the Russian Federation». Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/ (in Russian).

Citation:

Шульгина К.В. Способы и проблемы фиксации ненормативной лексики в протоколе допроса. // Юрислингвистика. – 2020. – 17. – С. 8-11.

Shulgina K.V. (2020). Problems and methods of profanity fixing in interrogation protocol. *Legal Linguistics*, 17, 8-11.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

Графический язык в праве

В.Б. Исаков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ул. Мясницкая, 20, 101000, Москва, Россия. E-mail: visakov@hse.ru

Статья посвящена раскрытию понятия графического языка и обоснованию его роли в сфере права. Рассматриваются функции графического языка и основные виды схем. Показаны основные этапы процесса схематизации. Высказана точка зрения автора на соотношение схематизации и визуализации. При этом термином «право» охватываются не только юридические нормы, но и иные сферы юридической действительности – юридические отношения, наука, образование, правосознание, юридическая культура.

Ключевые слова: язык права; графический язык; функции графического языка; виды схематизаций; визуализация.

Graphic Language in Law

V.B. Isakov

HSE University

20 Myasnitckaya st. , 101000, Moscow, Russia. E-mail: visakov@hse.ru

The article attempts at articulating the concept of graphic language and stating its role in the sphere of law. It also considers the functions of the graphic language and basic types of schemes. The main stages of the schematization process are shown. The author's point of view on correlation between schematization and visualization is expressed. However, the term "law" covers not only legal norms, but also other spheres of legal reality - legal relations, science, education, legal awareness, legal culture.

Key words: language of law; graphic language; functions of the graphic language; types of schematization; visualization.

Изучение языка права всегда считалось одним из перспективных направлений как в лингвистике, так и в юридической науке. В последнее время актуальность данного направления заметно выросла по причине стремительного распространения искусственного интеллекта в различных сферах жизни, в том числе в сфере права. Как и многие другие гуманитарии, юристы нуждаются в языке взаимодействия с системами искусственного интеллекта для решения с их помощью своих проблем.

На наш взгляд, искусственный интеллект и естественный интеллект дополняют друг друга и должны находиться в состоянии взаимодействия и взаимного развития – со-развития. Это означает, в частности, что не только машины должны набираться опыта у человека, осваивать различные функции человеческого мышления, но и человеку в определенных случаях надо учиться у машин – по крайней мере, понимать язык и логику действий искусственного интеллекта. Одним из «переходных мостиков» между искусственным и естественным интеллектом, на наш взгляд, может быть именно графический язык – язык рисунков, схем, графиков – который достаточно абстрактен и формализован, но в то же время вполне соразмерен обычному человеческому мышлению. С этой точки зрения существуют очевидные перспективы для развития и использования графического языка в сфере права, равно как и в других гуманитарных областях человеческой деятельности.

Под языком мы понимаем систему знаков различной физической природы, выполняющую познавательную и коммуникативную функции в процессе человеческой деятельности [Философский словарь 2009: 835]. Языки формируются естественным образом или создаются искусственно для определенных целей. Соответственно, различаются естественные этнические языки и искусственные языки, например, компьютерные, формальные, языки жестов и др. В числе искусственных языковых систем присутствует и такой класс, как графические языки.

При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что в праве графический язык – далеко не уникальное явление. Разновидностью графического языка являются система государственных символов, изучаемая особой отраслью знания – геральдикой. Другая система символов, образующая особый графический язык – знаки дорожного движения (а также иные знаки на транспорте – водном, морском, воздушном, железнодорожном, трубопроводном). Своя система символов используется в военном деле – знаки различия военнослужащих, эмблемы родов войск. Еще одна система символов – производственные знаки и схемы (радиация, высокое напряжение, магнитные поля). В правовой литературе существуют научные работы, где рассматриваются системы символов и знаков, анализируется их юридическое значение [Тен 2008 и др.]. В настоящей статье мы попытаемся обосновать состав и функции графического языка в праве – разновидности графического языка, ориентированного на решение научных и аналитических задач в сфере правоведения.

Понятия «схема» и «схематизация» ведут род от греческого *schema* – наружный вид, форма. В литературе под схемой понимается чертеж, на котором условными графическими обозначениями показаны составные части объекта, изделия, процесса, а также связи между ними. В более общем смысле под схемой понимается описание, изложение чего-либо в главных чертах [Краткая российская энциклопедия 2003: 337].

В практике преподавания юридических и других гуманитарных дисциплин используются различные формы схематизации, в том числе графы, карты, таблицы, структурно-логические схемы, графики и диаграммы, ленты времени и т. д. [Исаков 2016]. Наличие схем, графиков, диаграмм делает текстовую работу более понятной, выразительной, придает ей современный вид и внешнюю

респектабельность. В пакетах обработки статистических данных и прикладных компьютерных программах представлено огромное количество графических форм, буквально на все случаи жизни. Однако далеко не просто выбрать среди них те, которые в максимальной степени соответствуют содержанию исследовательского материала и задачам его визуального оформления [Логунова 2015].

Процесс схематизации состоит из нескольких этапов, среди которых можно выделить:

1. Объект схематизации анализируется, в нем выделяются структурные элементы – признаки, подлежащие отражению на схеме.
2. Выявляются отношения между этими частями, элементами, признаками.
3. Выбирается язык схематизации – система графем, условных знаков, образов, позволяющих адекватно отразить изучаемый объект.
4. Выбирается тип схематизации – ассоциативный, объектно-онтологический, организационно-технический, процедурно-процессуальный, методологический или иной (см. далее).

5. С помощью выбранного языка и типа схематизации создается схема объекта, явления, процесса – его графическая модель.

В философии, науке, аналитике, в практической юридической деятельности язык схематизации выполняет несколько функций, которые можно подразделить на общие и особенные. Первая группа функций свойственна любому языку, вторая – является отличительной чертой графических языков, в том числе языка схем. К первой группе функций можно отнести, по нашему мнению, следующие функции.

Онтологическая функция состоит в том, что язык фиксирует некоторую реальность, описывает ее, дает ей имя. Иногда эту функцию называют номинативной, указывая, что одна из задач языка – присвоение имен объектам реальности. На наш взгляд, содержание данной функции шире. Присвоение имен – лишь одна из подфункций в контексте более широкой задачи – создания картины реальности, формирования определенной онтологии.

Когнитивная функция состоит в организации и поддержке процессов мышления. В литературе подчеркивается, что язык является основой мышления [Колшанский 2011: 15-31; Песина 2016: 51-77]. Это справедливо как для естественных, так и для искусственных языков, к которым относится язык схем. Достоинство схем заключается в том, что они позволяют держать объект перед глазами, что в работе со сложными объектами чрезвычайно актуально. Схемы существенно расширяют возможности оперативной памяти человека и одновременно представляют собой инструмент мнемотехники – одно из средств «упаковки» информации в долгосрочную память.

Как и любой язык, схемы выполняют коммуникативную функцию – то есть являются средством общения, обмена информацией между людьми, а последние несколько десятилетий – еще и между людьми и машинами. Практика образования свидетельствует, что использование схем значительно усиливает интенсивность обмена информацией и повышает его эффективность. В литературе описан эксперимент, поставленный еще в 70-х годах прошлого века в связи с обучением операторов радиотехнических комплексов. Одну группу операторов обучали «традиционным» способом – путем проработки текстовых инструкций. Другую – с использованием графических схем, отображавших алгоритмы действий оператора. Применение графических схем сократило длительность обучения примерно наполовину, уменьшило время принятия решений оператором примерно на 30% и снизило количество ошибок примерно на 15% [Венда 1971: 6].

В качестве средства коммуникации графические языки обладают также тем существенным преимуществом, что «не требуют перевода» – практически одинаково воспринимаются людьми, находящимися в разной языковой и культурной среде примерно одного уровня развития.

Наконец, одной из общих функций графического языка является накопление и хранение информации. Информация накапливается и хранится не только в словесных описаниях, но и в рисунках, чертежах, схемах. При этом время меняет смысл графических изображений в значительно меньшей степени, чем смысл слов естественного языка. Так, например, рисунки и схемы Леонардо да Винчи – немалая часть его творческого наследия – дошли до нас исключительно с помощью языка графики.

Помимо общих функций, у графических языков существуют и некоторые особенные функции.

Во-первых, это функция обобщения и абстрагирования. Конечно, эта функция присуща и другим языкам, но для графического языка это одно из основных имманентных свойств. Схема – это не фотография объекта. Задача схемы – не просто отразить объект, а вскрыть его сущность, найти в нем главное, основное, помочь отделить необходимое от случайного и второстепенного [Жуковский, Пивоваров 1998].

Во-вторых, схематизация обнаруживает и делает видимым невидимое. Отношения, свойства, сущность явления – они ведь не лежат на поверхности, поскольку представляют собой результаты нашей познавательной деятельности. Схематизация «вытаскивает» их из глубины явления и предъявляет для исследования, хотя и в условном графическом отображении.

В-третьих, схемы представляют собой простое и доступное средство графического моделирования. Вы можете работать со схемой как с моделью, искать оптимальную структуру объекта, добавлять на ней новые элементы, отношения, связи, убирать из модели отдельные фрагменты – и наблюдать результаты своих действий.

В-четвертых, схемы – замечательный инструмент визуализации, средство наглядности, которое широко используется в самых разных сферах деятельности: в управлении, образовании, науке, рекламе, организации дорожного движения и т. д.

В зависимости от назначения и особенностей графического языка схемы можно подразделить на несколько классов.

Ассоциативные схемы – класс схем, представляющих собой свободную, неформальную сборку содержания, относящегося к некоторому объекту, проблеме или теме. Наиболее очевидный пример ассоциативных схем – так называемые интеллектуальные карты (карты связей, карты мыслей, карты памяти, карты ассоциаций, ментальные карты, англ. Mind Map) [Бьюзен 2005, 2008; Бехтерев 2011; Наст 2008; Сиббет 2013]. Главное достоинство интеллектуальных карт – способность собирать в единое целое самые разнообразные явления, свойства, отношения, факты. Образно говоря, их можно назвать «фуршетом» ассоциаций. Интеллектуальные карты выступают как эффективное средство для первичного, предварительного обзора и анализа явлений, однако отсутствие строго графического языка, «всеядность» интеллектуальных карт не позволяет использовать их для решения сложных аналитических задач.

Структурно-логические схемы – пожалуй, наиболее распространенный и широко используемый вид схематизации. Можно с немалой долей уверенности утверждать, что подавляющее большинство схем, которые рисуются на практике, – это структурно-логического типа. Используя весьма скромные изобразительные средства (круги, прямоугольники, соединительные линии, а также, если это возможно, цвет) структурно-логические схемы позволяют отобразить элементный состав явления, базовые взаимоотношения между элементами (часть и целое, следование, подчиненность), а также этапы и стадии развивающегося процесса.

Объектно-онтологические схемы – класс схем, которые пытаются отобразить действительность «как она есть». Примерами онтологических схем могут служить структура атома, спираль ДНК, карта звездного неба и т. п. Своеобразной рабочей онтологией можно считать, например, классный журнал, в котором перечисляются ученики с их оценками по предметам. Объектно-онтологические схемы ориентированы на выявление структуры и функций объектов, их динамики, фиксацию полученного знания и объяснение явлений.

Организационно-технические схемы – отражают организацию некоторой деятельности, например, управление отраслью, предприятием, научным или аналитическим исследованием. Примером организационно-технической схемы могут служить карта-схема движения документа в системе делопроизводства, карта-схема сборки автомобиля. Или, например, схема организации деловой игры,

которая позволяет участнику сориентироваться, найти свое место в сложно организованной игровой деятельности. Организационно-технические схемы являются одним из наиболее полезных графических инструментов для разработки проектов, программ, планов.

Методологические схемы – отражают средства мышления и деятельности, используемые для разрешения некоторой проблемы. Они опираются на особый графический язык, разработанный в философской методологии. В зависимости от контекста могут выполнять множество разнообразных функций – описательную, онтологическую, проектную, оргдеятельностную и другие [Зинченко 2004].

В правовой практике используются и другие виды схематизаций, например, процессуальные, жизнедеятельностные, мировоззренческие схемы, научные картины и др.

Выражения «схематизм» и «схематическое мышление» иногда используют в негативном смысле, как признак упрощенного, огрубленного, догматического мышления, неспособного к отражению сложной и противоречивой действительности во всей ее полноте. К сожалению, советская социальная и политическая практика породила немало примеров уродливой, догматической схематизации. Авторитарное навязывание догматических схем в науке, культуре, идеологии, образовании (кто их не разделяет – тот враг, отщепенец) – причинило стране колоссальный вред. При этом ни одно общество не застраховано от рецидивов авторитарного догматизма. Поэтому следует четко сознавать, что схематизация – всего лишь один из инструментов юридического мышления. Как и всякий инструмент, схематизация предполагает понимание границ, за которыми ее использование начинает приносить не пользу, а вред.

В контексте настоящей статьи необходимо различать схематизацию и визуализацию. Термин «визуализация» имеет множество различных значений. Так, визуализация в архитектуре – это наглядное представление архитектурной идеи, концепции, замысла. Визуализация в педагогике – это использование средств наглядности в преподавании. Визуализация в медицине – представление на рисунке, снимке или на экране дисплея внутренних органов пациента. Визуализация в психологии – внешнее выражение протекающих в сознании человека психических процессов. Визуализация в искусстве – система образных средств, используемых для выражения художественной идеи. Визуализация в оккультных науках – внешнее выражение надежд, мечтаний, подсознательных устремлений человека. Визуализация в аналитике – это представление аналитического содержания в наглядной, образной форме. Являясь вспомогательным по отношению к тексту средством раскрытия информации, визуализация позволяет выделить главные, системообразующие идеи, показать актуальность интеллектуальной разработки, максимально полно донести информацию до слушателей.

Осуществляя процесс визуализации, ученый, исследователь, педагог, студент сталкиваются с трудностями двоякого рода. Во-первых, необходимо выбрать графический язык и тип схематизации, посредством которых будет наиболее полно выражена исследовательская идея. Во-вторых, графическую схему надо визуализировать – придать ей яркую, современную дизайнерскую форму. Если схематизация ориентирована на моделирование объекта, на выявление графическими средствами его сущности, то визуализация – на представление, презентацию, демонстрацию, выразительный внешний показ.

Визуализация – по-своему «коварная» стадия исследовательского процесса. На этой стадии трудно скрыть бедность содержания, изъяны концепции, пробелы в логике, слабость фактологической базы и т. п. В процессе визуализации все эти недостатки исследования «выплывают наружу», становятся видимыми.

Визуализация – мощное средство продвижения результатов научной и аналитической работы в жизнь, в практику, но в ее использовании необходимо чувство меры. Хорошо известно, что живая образная речь привлекает внимание слушателей, улучшает понимание и запоминание. Та же самая речь, но с переизбытком образности, вычурная, цветистая – вызывает прямо противоположную реакцию. Необходима постоянная практика и критическая оценка достигнутых результатов, для того чтобы достичь оптимального соотношения текстуального и визуального, рационального и эмоционального.

Автором настоящей статьи разработан и предлагается для практического использования графический язык «Графенто 1», ориентированный на решение аналитических задач в сфере права [Исаков 2016]. В учебном пособии в виде таблицы приведены графемы – знаки графического языка – и дано их значение. Цифра 1 в наименовании языка означает, что предлагаемый вариант представляет собой первоначальную, эскизную версию графического языка.

В основу языка «Графенто 1» положен язык методологических схем, созданный Г.П. Щедровицким и его последователями. Ряд графем взят из статьи А.Л. Емельянова «Язык схематизированных изображений» [Емельянов 2001: 414-459]. Графические языки данного типа могут найти практическое применение в научных юридических исследованиях, в юридическом образовании, а также при разработке правовых инфосхем, визуализаций и презентаций самого различного назначения.

Следующим шагом стала разработка Словаря правовой аналитической графики – более продвинутой версии графического языка в праве, включающего не только «алфавит», но и графические предложения, высказывания, а также графические описания и рассуждения. В Словаре приведены примеры правовых аналитических схематизаций различного назначения, некоторые из которых созданы студентами, слушателями курса «Правовая аналитика» [Исаков 2018].

Наконец, третьим шагом продвижения графического языка в сфере права можно считать разработку альбома «Правовая аналитика в определениях, картах, схемах». Альбом опубликован в электронной форме и размещен в открытом доступе в фонде публикаций НИУ ВШЭ. Он объединил более 200 наиболее востребованных схем из области правовой аналитики и теории государства и права [Исаков 2019].

Как и естественные языки, графический язык имеет множество стилей и подстилей. В настоящей статье стили графического языка, а также его морфология и синтаксис, нами не рассматриваются. Тех же, кого интересует именно этот аспект темы, можно адресовать к замечательной книге Уильяма Боумена «Графическое представление информации» [Боумен 1971]. В ней автор рассматривает базовые элементы графического языка, к которым относит точку, линию, цвет, текстуру. Затем – анализирует «графические высказывания», «фразы» и «интонации» графического языка. На многочисленных примерах Боумен показывает многообразие средств графического изображения таких объектов как структуры, организации, системы, процессы, размерности и др.

Отметим также, что помимо графического языка в сфере права существуют графические языки, разработанные для иных сфер деятельности и для других практических целей, – язык инфографики, язык пропаганды и агитации, язык рекламы и т. п.

Схематизация и визуализация в праве постоянно развиваются, рождая новые формы, стили, новые сферы своего применения. Графический язык в праве молод – по существу, делает первые шаги. Поэтому каждый, кто хотел бы работать и думать на этом языке, может внести в него свой существенный вклад.

Литература

Бьюзен Т. Суперинтеллект. Минск, 2005.

Бьюзен Т. и Б. Супермышление. 5-изд. Минск, 2008.

Бехтерев С. Майнд-менеджмент. Решение бизнес-задач с помощью интеллект-карт. М., 2011.

Боумен У. Графическое представление информации / Пер. с англ. М., 1971.

Венда В.Ф. Предисловие к книге: У. Боумен. Графическое представление информации. М., 1971.

- Емельянов А.Л. Язык схематизированных изображений // В кн: Анисимов О.С. Язык теории деятельности: становление. М., 2001. С. 414–459.
- Жуковский В.И., Пивоваров Д.С. Интеллектуальная визуализация сущности: учеб. пособие. Красноярск, 1998.
- Зинченко А.П. Путеводитель по основным понятиям и схемам методологии Организации, Руководства и Управления: хрестоматия по работам Г.П. Шедровицкого. М., 2004.
- Исаков В.Б. Говорите языком схем: краткий справочник. М., 2016.
- Исаков В.Б. Графенто 1. Графический язык правовой аналитики: учеб. пособие. М., 2016.
- Исаков В.Б. Словарь правовой аналитической графики: учебное пособие. М., 2018.
- Исаков В.Б. Правовая аналитика в определениях, картах, схемах: альбом. М., 2019. URL: <https://publications.hse.ru/books/315098541>
- Краткая российская энциклопедия в 4-х т. Т. 3. М., 2003.
- Колшанский Г.В. Логика и структура языка. 3-е изд. М., 2011. С.15-31.
- Логунова О.С. и др. Визуализация результатов научной деятельности: учеб. пособие. Магнитогорск, 2015.
- Наст Д. Эффект визуализации. М., 2008.
- Песина С. А. Философия языка: учеб. пособие. 3-е изд. М., 2016. С. 51-77.
- Сиббет Д. Визуализируй это! Как использовать графику, стикеры и интеллект-карты для командной работы. М., 2013.
- Тен Ю.П. Символы России и зарубежных государств. Ростов-на-Дону, 2008.
- Философский словарь. Под ред. И. Т. Фролова. 8-е изд. М., 2009.

References

- Buzen, T. (2005). Superintelligence. Minsk (in Russian).
- Buzen, T. and B. (2008). Supermyshlenie. 5 ed. Minsk (in Russian).
- Bekhterev, S. (2011). Maind-management. Solving business problems using intelligence maps. Moscow (in Russian).
- Bowman, W. (1971). Graphic representation of information / Per. s angl. Moscow (in Russian).
- Venda, V.F. (1971). Preface to the book: W. Bowman. Graphic representation of information. Moscow (in Russian).
- Yemelyanov, A.L. (2001). Language of schematized images // In: Anisimov O.S. Language of activity theory: formation. Moscow, 414-459 (in Russian).
- Zhukovsky, V.I., Pivovarov, D.S. (1998). Intellectual visualization of the essence: textbook. Krasnoyarsk (in Russian).
- Zinchenko, A.P. (2004). Guide to the basic concepts and schemes of the methodology of Organization, Management and Management: a textbook on the works of G.P. Shchedrovitsky. Moscow (in Russian).
- Isakov, V.B. (2016). Speak the language of schemes: short reference. Moscow (in Russian).
- Isakov, V.B. (2016). Grafento 1. Graphic language of legal Analytics: textbook. Moscow (in Russian).
- Isakov, V.B. (2018). Dictionary of legal analytical graphics: textbook. Moscow (in Russian).
- Isakov, V.B. (2019). Legal Analytics in definitions, maps, schemes: album. Moscow. URL: <https://publications.hse.ru/books/315098541> (in Russian).
- Brief Russian encyclopedia in 4 vol. (2003). Vol. 3. Moscow (in Russian).
- Kolshansky, G.V. (2011). Logic and structure of language. 3 ed. Moscow, 15-31 (in Russian).
- Logunova, O.S. et al. (2015). Visualization of the results of scientific activity: textbook. Magnitogorsk (in Russian).
- Nast, D. (2008). Visualization Effect. Moscow (in Russian).
- Pesina, S.A. (2016). Philosophy of language: textbook. 3 ed. Moscow, 51-77 (in Russian).
- Sibbet, D. (2013). Visualize it! How to use graphics, stickers and intelligence maps for teamwork. Moscow (in Russian).
- Ten, Yu.P. (2008). Symbols of Russia and foreign States. Rostov-on-don (in Russian).
- Philosophical dictionary. (2009). Edited by I.T. Frolov. 8 ed. Moscow (in Russian).

Citation:

Исаков В.Б. Графический язык в праве. // Юрислингвистика. – 2020. – 17. – С. 12-15.

Isakov, V.B. (2020). Graphic language in law. Legal Linguistics, 17, 12-15.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Анализ словесных товарных знаков на сходство до степени смешения: алгоритм работы эксперта-лингвиста (на примере реального экспертного кейса)

А.В. Акинина

*Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)
Г. Новоалександровск, 356000, Ставропольский край, Россия. E-mail: akinina21@mail.ru*

Статья посвящена описанию алгоритма работы эксперта-лингвиста при анализе словесных обозначений (товарных знаков) на тождество и сходство до степени смешения. Алгоритм работы описан на примере случая из экспертной практики – сопоставления реально существующих наименований «Чикенсы» и «Чикенцы», первое из которых является зарегистрированным на территории РФ товарным знаком.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, товарный знак, фоносемантический анализ, сходство до степени смешения, ассоциативный эксперимент.

Analysis of Verbal Trademarks for Similarity to the Point of Confusion: Algorithm for the Work of a Forensic Linguist (Case Study)

A.V. Akinina

*Guild of Linguistic Experts in Documentation and Information Disputes (GLEPID)
G. Novoaleksandrovsk, 356000, Stavropol Kray, Russia. E-mail: akinina21@mail.ru*

The article aims at the description of the algorithm of a forensic linguist work on the analysis of wordmarks (trademarks) for identity and similarity to the degree of confusion. The algorithm is described by a case study from expert practice – comparison of the names of reputable companies “Chickenses” and “Chickentses”, the first of which is a trademark registered within the territory of the Russian Federation.

Key words: forensic linguistics, trademark, phonosemantic analysis, similarity to the point of confusion, association experiment.

Несмотря на то, что лингвистическая экспертиза товарных знаков может показаться исчерпанным направлением, в ней много нерешённых вопросов. Нарботать и затем обобщить практику их решения возможно в первую очередь через анализ конкретных примеров (кейсов).

Хотя по вопросам анализа словесных обозначений к настоящему времени имеется немало специализированной литературы, начиная с «Методических рекомендаций по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство», содержащихся в приказе Роспатента от 31.12.2009 г. № 197 [Методические рекомендации... URL], работа с конкретными парами обозначений и решение каждого частного случая представляет полноценный интерес для исследователя.

Некоторый резонанс вызвал в правовой сфере случай с использованием товарного знака «Чикенсы». В начале 2020 года с запросом о перспективах лингвистической экспертизы указанного словесного обозначения как сходного с наименованием «чйкентцы» ко мне через негосударственную экспертную организацию обратилась компания «Фарфор Владимир», работающая в сфере общественного питания.

ООО «Фарфор» предлагало посетителям своего сайта доставку разной еды, в том числе куриные чикенцы – «кусочки куриного филе в хрустящей панировке», как следовало из описания на сайте.

ЗАО «Мясная галерея», являющееся производителем мясных полуфабрикатов и прочей мясной продукции, в 2015 году зарегистрировало товарный знак «Чикенсы» в 29 и 30 классах товаров (продукты питания, в том числе мясо, рыба, дичь, консервы), а также в 43 классе услуг (обеспечение продуктами питания). В 2020 году «Мясная галерея» обнаружила факт использования товарного знака, очень близкого по написанию и звучанию, и прислало ООО «Фарфор Владимир» претензию, угрожая судом.

ООО «Фарфор Владимир» обратилось к эксперту, желая установить, действительно ли имеет место сходство двух словесных товарных знаков до степени смешения.

М.Е. Новичихина, доктор филологических наук из Воронежского государственного университета, специализирующаяся на экспертизе товарных знаков, отмечает: «При определении сходства обозначений исследуются: звуковое (фонетическое), графическое (визуальное) (иногда его называют также визуально-графическим), ассоциативное и смысловое (семантическое) сходство обозначений, а также исследуется значимость положения, занимаемого тождественным или сходным элементом в заявленном обозначении» [Новичихина 2019: 50].

Далее автор приводит конкретный перечень критериев для определения сходства:

«В соответствии с п. 14.4.2.2 Правил «Правила составления, подачи и рассмотрения заявки на регистрацию товарного знака и знака обслуживания» от Роспатента [Приказ Роспатента... URL]. – А.А.> звуковое сходство определяется на основании следующих признаков:

- наличие близких и совпадающих звуков в сравниваемых обозначениях; близость звуков, составляющих обозначения;
- расположение близких звуков и звукосочетаний по отношению друг к другу; наличие совпадающих слогов и их расположение;
- число слогов в обозначениях;
- место совпадающих звукосочетаний в составе обозначений;

- близость состава гласных;
- близость состава согласных;
- характер совпадающих частей обозначений;
- вхождение одного обозначения в другое;
- ударение.

Графическое сходство определяется на основании следующих признаков:

- общее зрительное впечатление;
- вид шрифта;
- графическое написание с учётом характера букв (например, печатные или письменные, заглавные или строчные);
- расположение букв по отношению друг к другу;
- алфавит, буквами которого написано слово;
- цвет или цветовое обозначение.

Ассоциативное сходство определяется на основании признака:

- совпадение ассоциаций, вызываемых данным обозначением у потребителя.

Смысловое сходство определяют на основании признаков:

- подобие заложенных в обозначении понятий, идей в частности, совпадение семантики обозначений в разных языках;
- совпадение одного из элементов обозначений, на который падает логическое ударение и который имеет самостоятельное значение;
- противоположность заложенных в обозначениях понятий, идей.

Заметим, что все перечисленные признаки могут учитываться как в отдельности, так и в различных сочетаниях» [Новичихина 2019: 50-51].

Ясно, что установление части признаков (в частности, признаков графического сходства) относится в первую очередь к компетенции специалиста, обладающего навыками работы с графикой, – типографа, графического дизайнера. Эксперт-лингвист устанавливает в первую очередь признаки фонетического и смыслового сходства, а в отдельных случаях, возможно, перечень ассоциаций, которые наименование вызывает у реципиентов. Главных, собственно филологических, инструментов анализа у лингвиста-эксперта имеется два – определение коэффициента звукового сходства и фоносемантический анализ.

Кроме того, эксперту-лингвисту следует определить, какой объект именуют сравниваемые товарные знаки – один и тот же, сходный, или референты принципиально разные.

С точки зрения звукового состава имеется явное сходство: и в слове «чickenсы», и в слове «чickenцы» по 7 звуков: [ч'икънсь] и [ч'икънць]. Из семи 6 звуков – одинаковые. Коэффициент звукового сходства – 85,6%. Как отмечает М.Е. Новичихина, о сходстве наименований можно говорить, если коэффициент «существенно превышает 50%». В данном случае важно, что в устной речи звуки [ц] и [с] в этой позиции (крайний заударный слог) иногда почти неразличимы, потому что произносятся очень кратко и потому несколько «смазано». Кроме того, почти все звуки в обоих словах расположены в одинаковом порядке, только в одном слове имеется [с], а в другом на этом же месте [ц]. Число слогов в обоих словах идентично – по 3 слога, ударный слог один и тот же (первый).

Графическое сходство наименований в данном случае можно описать весьма общо: слова написаны с помощью букв одного и того же алфавита (кириллицы), последовательность букв почти идентична (вновь за исключением с и ц).

Фоносемантический анализ обоих наименований был проведён в специализированной программе «VAAL». Результаты анализа почти одинаковы как для наименования «Чickenсы», так и для наименования «Чickenцы»:

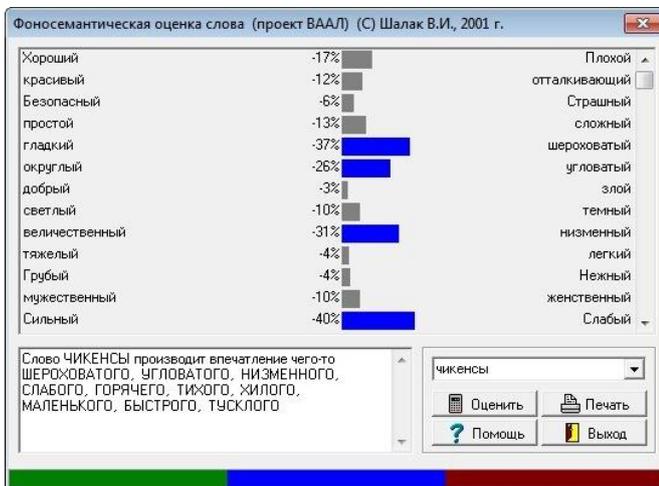

Рис. 1 Фоносемантический анализ слова Чickenсы

Рис. 2. Фоносемантический анализ слова Чickenцы

Слова «чickenсы» и «чickenцы» не относятся к общеупотребительным. Это явные неологизмы, причём совсем недавние. Не все знают значения этих слов, хотя в целом семантика прочитывается легко – некий пищевой продукт, связанный с курицей (от английского «chicken» – курица). Собственно, «чickenсы» – это и есть еда на основе куриного мяса – закулочные шарики из куриного мяса в панировке.

При этом слово «чickenцы» выглядит явной, но несколько неуклюжей переделкой «чickenсов». Звук [ц] интуитивно воспринимается как чужеродный, ведь модель заимствования англицизмов и их транслитерации в русском языке уже устоялась: в русском варианте сохраняется английская флексия множественного числа или притяжательного прилагательного -s и добавляется принятое в русском окончание -ы (джинСы, памперСы, конверСы (кроссовки) и т.п.).

Таким образом, явное звуковое, графическое (буквенное) и семантическое сходство словесных обозначений «чickenсы» и «чickenцы» указывает на то, что эти наименования сходны до степени смешения. Опираясь на эти сведения, руководство ООО «Фарфор Владимир» приняло решение полностью прекратить использовать спорный товарный знак.

История с наименованием «Чickenсы» имеет и другую сторону.

ЗАО «Мясная галерея», последовательно проводя политику устранения недобросовестной конкуренции, предъявляла досудебные и судебные претензии к различным компаниям, неправомерно использующим товарный знак «Чickenсы» или сходный с ним.

В феврале 2020 года коллегия Федеральной службы в сфере интеллектуальной собственности рассмотрела возражение уфимской фирмы «БиГрупп», у которой «Мясная галерея» в судебном порядке потребовала 5 миллионов рублей компенсации за незаконное использование вышеуказанного товарного знака. «БиГрупп» в свою очередь попыталась доказать, что правовая охрана наименованию

«Чикенсы» была предоставлена в своё время неправомерно, поскольку слово «Чикенсы» якобы является общеупотребительным для обозначения определённых продуктов быстрого питания (фастфуда) из мяса курицы.

Для лингвиста-эксперта эта ситуация интересна тем, что один и тот же случай можно рассмотреть в разных плоскостях: проанализировать товарные знаки на сходство и на наличие общеупотребительности.

Решение коллегии ФССИ было в данном случае однозначным. Во-первых, «БиГрупп» не предоставила доказательств общеупотребительности слова «Чикенсы» как термина, в том числе присутствия указанного слова в словарях, справочниках и специализированной кулинарной литературе. Во-вторых, не только рассмотренное выше слово «чикенЦы», но и само исходное наименование «чикенСы» не может считаться прямой транслитерацией с латиницы, поскольку к англоязычной основе с формообразующим суффиксом -s добавлена типичная для русского языка флексия. «Следовательно, – указано в решении коллегии, – слово «Чикенсы» является вымышленным и не может напрямую, без ассоциаций и домысливания, указывать на какой-либо определённый вид товара» [Решение Федеральной службы... 2020].

Литература

Методические рекомендации по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство (приказ Роспатента от 31.12.2009 г. № 197). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102309/. Дата обращения: 07.09.2020.

Новичихина М.Е. Товарный знак: вопросы функционирования и лингвистической экспертизы. Воронеж, 2019.

Приказ Роспатента от 27.03.1997 г. № 26 (ред. от 31.12.2009 г.) «О Методических рекомендациях по отдельным вопросам экспертизы заявок на регистрацию товарных знаков» (вместе с «Методическими рекомендациями по определению однородности товаров и услуг при экспертизе заявок на регистрацию товарных знаков и знаков обслуживания», «Методическими рекомендациями по вопросам отнесения заявленных обозначений, товарных знаков и знаков обслуживания к категории вошедших во всеобщее употребление как обозначения товаров и услуг определённого вида», «Методическими рекомендациями по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство»). URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-rospatenta-ot-27031997-n-26-o/>. Дата обращения: 09.09.2020.

Решение Федеральной службы по интеллектуальной собственности от 28 февраля 2020 г. по заявке N 2013725568/33 «Об оставлении в силе правовой охраны "ЧИКЕНСЫ"». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/77997596/entry/0>. Дата обращения: 07.09.2020.

References

Guidelines for checking the claimed designations for identity and similarity (Rospatent order No. 197 of 31.12.2009). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102309/. Date of request: 07.09.2020. (in Russian).

Novichikhina, M.E. (2019). Trademark: issues of functioning and linguistic expertise. Voronezh (in Russian).

Rospatent's Order No. 26 of 27.03.1997 (ed. from 31.12.2009) "On Methodological recommendations on specific issues of examination of applications for registration of trademarks" (together with "Methodical recommendations on determination of similarity of goods and services when examining applications for registration of trademarks and service marks", "Methodical recommendations on issues of attribution of claimed marks, trademarks and service marks of the category came into General use as designations of goods and services of a particular kind", "Methodological recommendations for the verification of claimed marks on identity and similarity". URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-rospatenta-ot-27031997-n-26-o/>. Date of request: 09.09.2020 (in Russian).

Decision of the Federal service for intellectual property of February, 28, 2020 on the application N 2013725568/33 "On the retention of legal protection of "Chickenses". URL: <https://internet.garant.ru/#/document/77997596/entry/0>. Date of request: 07.09.2020 (in Russian).

Citation:

Акинина А.В. Анализ словесных товарных знаков на сходство до степени смешения: алгоритм работы эксперта-лингвиста (на примере реального экспертного кейса). // Юрислингвистика. – 2020. – 17. – С. 16-18.

Akinina, A.V. (2020). Analysis of verbal trademarks for similarity to the point of confusion: an algorithm for the work of an forensic linguist (a real expert case). *Legal Linguistics*, 17, 16-18.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Намеренное искажение письменной речи как предмет автороведческого исследования

Т.М. Изотова

*Уральский региональный центр судебной экспертизы Минюста РФ
ул. Бажова, 72, 620075, Екатеринбург, Россия. E-mail: iztom@yandex.ru*

В статье предлагается обобщение экспертной практики автороведческих исследований текстов, составленных с намеренным искажением письменной речи. Дается определение понятия «маскировка письменной речи», описываются ее виды. Формулируются предмет и задачи автороведческого исследования по данной категории дел. В статье описываются диагностические признаки искажения письменной речи. Устанавливается, что общие признаки искажения либо представляют собой комплексные образования из противоречащих друг другу традиционных общих признаков, либо объединяют те или иные частные признаки в группы, наличие, как минимум, одной из которых имеет обязательный характер для любого искаженного текста. Описываются методы, способствующие установлению признаков искаженной письменной речи.

Ключевые слова: письменная речь; судебное автороведение; ситуативная диагностика; искажение письменной речи.

Deliberate Distortion of Written Speech as a Subject of Authorship Expertise

T.M. Izotova

*Ural Regional Center for Forensic Expertise of the Ministry of Justice of the Russian Federation
72 Bazhova st., 620075, Yekaterinburg, Russia. E-mail: iztom@yandex.ru*

The article offers generalized practice of text authorship expertise where texts are compiled with deliberate distortion of written speech. The definition of the concept of "disguise of written speech" is given, its types are described. The article specifies the subject and objectives of the authorship expertise within this category of cases. It also describes the diagnostic signs of distorted written language. The conclusion has been reached that common signs of distortion are either complex formations of contradicting traditional common signs, or they combine certain particular signs into groups, where presence of at least one of them is mandatory in any distorted text. There are also methods described to help identify signs of distorted written language.

Key words: written speech; legal authorship expertise; situational diagnostics; distortion of written language.

Изменение признаков письменной речи – весьма распространенное (особенно в мире интернет-коммуникаций [Грасмик 2011]) явление. Как правило, оно заключается в умышленном изменении своей речи или в подражании речи другого лица с целью скрыть истинного автора текста – участника коммуникации. Причины указанных изменений могут быть различными – удивить собеседника в онлайн-общении, нежелание общаться от своего имени и пр. Однако наиболее опасная причина изменения речи заключается в попытке совершить правонарушение, скрыть его следы (например, от имени другого человека послать письма с угрозами жизни и здоровью). В зависимости от причин меняется и сам механизм изменения – чем опаснее последствия от изменения, тем более продуманным и «неузнаваемым» становится текст.

Маскировка письменной речи – это сознательное изменение автором текста формально-содержательной и языковой структуры своей письменной речи с целью скрыть от адресата информацию о своей личности или дать заведомо ложную информацию.

В качестве объекта-источника информации судебно-автороведческих исследований искаженных текстов выступают истинные психолого-лингвистические навыки автора и привнесенные характеристики чужой речи, речи в ином, чем у автора, состоянии [Гомон, Горошко 1990: 64]. Объектом-носителем информации в этом случае является текст как реализация сознательно измененных и не подвергшихся изменению психолингвистических навыков письменной речи автора.

Предметом судебно-автороведческой экспертизы текстов, составленных с намеренным искажением письменной речи, служат фактические данные о механизме порождения текста, о мнимом и действительном портретах, состояниях неизвестного автора, а также о конкретных мнимом и действительном авторах текста, устанавливаемые на основе специальных знаний при исследовании документа и иных материалов уголовного или гражданского дела [Вул 1977].

Представления о предмете экспертизы конкретизируются в понятии ее задач. Судебно-автороведческой экспертизой текстов, составленных с намеренным искажением письменной речи, решают четыре класса задач – идентификационные, классификационные, диагностические и ситуативные.

Намеренное искажение письменной речи определяется как внутренняя психическая деятельность автора, состоящая в сознательном вмешательстве в процесс речепорождения с целью маскировки авторства или психофизиологического состояния в момент создания письменного речевого сообщения. Специфика текста как материализации намеренного искажения речи состоит в противоречивости его элементов, вытекающей из того, что индивидуализирует его речь, в чужой речи обращает внимание только на отдельные,

«бросающиеся в глаза» характеристики. Признаками, свидетельствующими о намеренном искажении речи, являются особенности письменного речевого сообщения, отражающие противоречия свойств и характеристик личности его автора, несовместимые состояния как следствие сознательной перестройки автором документа собственных навыков письменной речи.

Под маскировкой в речи понимается реализация установки адресанта или нескольких адресантов письменного сообщения на сокрытие авторства или состояния автора в момент составления текста. Маскировка может осуществляться путем составления текста в соавторстве; выполнения текста одним лицом, а составления другим; компоновки речевого сообщения из фрагментов текстов других авторов и др. Намеренное искажение также относится к способам маскировки в речи.

В свое время были выделены следующие виды намеренного искажения письменной речи: снижение грамотности, нейтрализация речи, имитация речи конкретного человека, подражание стилю конкретного писателя, имитация речи женщины, имитация речи мужчины, имитация речи лица пожилого возраста, имитация речи лица молодого возраста, имитация речи представителя конкретной профессии, имитация речи уголовных элементов, имитация речи, подверженной влиянию другого языка, имитация речи человека с патологией речемыслительных процессов, имитация речи человека, находящегося в состоянии эмоциональной напряженности (стресса) [Вул 1982; Горошко 1999].

На практике маскировка письменной речи условно может быть разделена на три основных вида:

- подстройка под письменную речь конкретного лица;
- искажение письменной речи;
- имитация авторства (женщины, мужчины, лица другой национальности).

Подстройка предполагает стилизацию под письменную речь конкретного автора посредством слов и выражений из текста источника подстройки, цитирования его элементов, упоминания в подстраиваемом тексте некоторых фактических или автобиографических данных автора первоначального текста. Подстройка распознаваема, так как при ее осуществлении автор опирается не на цельную сложную схему – систему использования языка и осуществления речевой деятельности конкретным человеком, а на отдельные, наиболее ярко выраженные элементы этой системы, на которых делается акцент, а остальные элементы системы и взаимосвязи между ними утрачиваются.

Искажение письменной речи – это сознательное изменение лингвистических признаков с целью сокрытия от адресата признаков, характеризующих собственный речемыслительный навык. На практике чаще всего встречается искажение письменной речи за счет снижения уровня грамотности. Для установления факта искажения необходимо выявить несоответствие логических, синтаксических, лексико-стилистических и иных структур в тексте. При искажении письменной речи за счет снижения уровня грамотности автор является непоследовательным в использовании тех или иных приемов и демонстрирует «нарочитую» неграмотность. Это проявляется

- 1) в соблюдении и несоблюдении одного и того же правила орфографии, синтаксиса,
- 2) в соблюдении более сложных для усвоения правил и несоблюдении простых.
- 3) в резком контрасте грамматических ошибок с характером изложения, логической структуры текста, его стилистикой, т. е. не соответствием уровня культуры речи и уровня грамотности автора.

Имитация авторства представляет собой составление текста документа от имени лица с другими социально биографическими характеристиками, что влечет за собой изменение признаков письменной речи и противоречие групп признаков друг другу.

Например, текст составлен от лица мужчины или содержит фактическую информацию о том, что текст составлен мужчиной, но эксперт выявляет языковые и психолингвистические признаки женской письменной речи. Тогда можно говорить о том, что имеет место факт имитации авторства мужчины. Также следует анализировать последовательность проявления тех или иных структур. Например, при недостаточной качественной имитации в тексте возможно смешение признаков мужской и женской речи, что выражается в непоследовательной саморепрезентации от лица мужчины/женщины. В этом случае эксперту следует обратить внимание на понятийно-смысловые, логические и психолингвистические структуры текста. Вывод о наличии/отсутствии имитации формируется на основании комплексного анализа текста, а не основывается на каком-либо одном признаке (например, категория рода). При выявлении имитации авторства от лица человека, русский язык для которого не является родным, следует использовать тот же алгоритм: анализировать различные группы признаков и их взаимосвязь между собой. Как правило, трансформации подвергаются наиболее простые структуры (в большей степени орфография, множественные нарочитые ошибки на нормы управления и согласования), тогда как сложные структуры, являющиеся наиболее информативными, остаются инвариантными. Исследование следует проводить с опорой на ниже приведенные признаки, выявленные на основе качественного и количественного анализов.

К общим признакам искажения относятся признаки, отражающие наличие таких противоречий в свойствах письменной речи автора, которые характеризуют текст как деформированную вследствие искажения систему в целом. Такие признаки свидетельствуют о факте искажения безотносительно к определенному его виду, могут встретиться в нескольких видах искажения или характеризуют любой текст конкретного вида искажения. Частными признаками намеренного искажения являются особенности проявления каждого из перестроенных навыков письменной речи автора или их комплекса, характеризующие конкретный вид искажения и отражающие противоречащие друг другу свойства личности автора, черты его речевого поведения, состояния. Частные признаки не обязательно проявляются во всех текстах данного вида искажения и могут отличаться индивидуальностью выражения в текстах разных авторов.

В целом общие признаки искажения либо представляют собой комплексы образования из противоречащих друг другу традиционных общих признаков (например: в тексте наблюдаются одновременно высокая степень развития пунктуационных навыков и средняя – орфографических), либо проявляются через комплексы различных частных признаков, т.е. объединяют те или иные частные признаки в группы, наличие, как минимум, одной из которых имеет обязательный характер для любого искаженного текста. Наполнение указанных групп может быть самым различным в зависимости от особенностей речевого поведения автора, коммуникативной ситуации и пр., но подчиненным смысловому содержанию группы. Другими словами, общие признаки искажения могут выполнять обобщающе-номинативную функцию. К примеру, общим признаком, свидетельствующим о возможном наличии имитации речи женщины в тексте, составленном от лица женщины, будет одновременное присутствие в данном тексте признаков феминности и маскулинности речи. Тем не менее, не все частные признаки поглощаются общими. Проявление многих частных признаков носит уточняющий дополняющий характер, является не только необходимым, но и достаточным условием для того или иного вывода эксперта.

Частные признаки намеренного искажения письменной речи подразделяются на следующие категории: признаки, отражающие лексико-фразеологические, синтаксические, пунктуационные, орфографические, стилистические языковые навыки; логико-семантические признаки; особенности восприятия, оценки и прочее, относящиеся к интеллектуальным и психолингвистическим навыкам автора; признаки, раскрывающие характер эмоциональных переживаний автора; смешанные признаки, отражающие особенности проявления некоторых навыков в комплексе.

Изменение признаков речи как процесс корректирования речи другого лица (или своей речи) с целью скрыть истинное авторство имеет свой механизм реализации. Любые изменения в речи выражаются в комплексе диагностических признаков, по которым возможно определить, была ли речь симитирована или замаскирована, и кем она была изменена.

Выявление диагностических признаков измененной речи должно происходить в рамках уровня анализа речи, начиная от пунктуационного, заканчивая дискурсивным. Наиболее приемлемыми методами исследования, которые наиболее полно и объективно исследуют текст, являются следующие:

- метод лингвостилистического анализа, который позволяет исследовать текст с точки зрения его функционально-стилевой принадлежности (определение стиля, жанра текста, выявление выполняемых функций и тех языковых средств, с помощью которых функции реализуются, и т.д.);
- метод лексико-семантического анализа, который предполагает исследование лексического и семантического значения слова, выявление отрицательного или положительного компонента в словах и выражениях, установление типа используемой лексики и т.д.;
- метод лексико-стилистического анализа, который позволяет определить коннотативное значение используемых автором языковых средств, выявить авторскую оценку в тексте;
- метод синтаксического анализа, который позволяет выявить субъекта, объекта, типы референции в конкретном высказывании исследуемого текста;
- метод лингвопрагматического анализа, устанавливающий речевые акты и позволяющий определить, какая информация подается как утверждение, какая как предположение, требование и т.п.;
- метод системного анализа, при котором полученные результаты оцениваются в совокупности.

При исследовании письменной речи необходимо строго различать случаи умышленного (преднамеренного) и естественного (непреднамеренного) искажения, т. к. каждый из них имеет свои специфические особенности. К причинам, вызывающим естественные видоизменения письменной речи, относятся:

- составление текста в неестественных для автора условиях (в темноте, в транспорте, в общественных местах);
- составление текста несвойственным для автора способом (например, при отсутствии навыков составления текстов машинописным способом автор непроизвольно меняет свой стиль повествования при пользовании печатно-множительными средствами);
- составление текста в непривычном для автора стиле речи (к примеру, автор, не имеющий навыков составления текстов официально-делового характера, непроизвольно вносит в свою письменную речь элементы других стилей речи, которыми он хорошо владеет, что вносит определенные изменения в характеристики его языковых параметров);
- составление текста в необычном эмоционально-психическом состоянии (в состоянии агрессии, меланхолии, алкогольного, наркотического опьянения).

При естественном искажении письменной речи изменению подвергаются следующие языковые структуры:

лексические структуры — увеличение числа незавершенных слов, возрастание числа слов-паразитов, большая стереотипность в использовании лексико-стилистических средств;

грамматические структуры — выбор грамматически упрощенного высказывания, ошибки в согласовании отдельных слов.

Экспертное исследование искаженных текстов строится на основе уровня принципа решения задач. Выдвижение гипотезы об искажении письменной речи необходимо при исследовании любого анонимного или псевдонимного текста. При этом проверка данной гипотезы является первоочередной по отношению к решению всех остальных вопросов.

Литература

- Вул С.М.* Возможности использования статистических методов при криминалистическом исследовании письменной речи. Теоретические и методические вопросы криминалистического исследования письменной речи. Методическое пособие. М., 1977.
- Вул С.М.* Корреляционная зависимость количеств языковых ошибок в письменной речи русского монолингва / Тезисы VII Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1982. С. 63-64.
- Гомон Т.В.* Экспериментальное исследование языковых структур статистическими методами / Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 37. Киев, 1988. С. 63-66.
- Гомон Т.В., Горошко Е.И.* К вопросу о возможности судебно-автороведческого исследования текстов с деформированной структурой / Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 40. Киев, 1990. С. 64-68.
- Горошко Е.И.* Особенности мужского и женского стиля письма / Гендерный фактор в языке и коммуникации : Сб. науч. трудов МГЛУ. – М., 1999. – Вып. 446. – С. 44-60.
- Грасмик Л.В.* Установление автора текстов интернет-коммуникаций при умышленном искажении признаков письменной речи. / Актуальные проблемы Российского права. – № 2. – 2011. – с. 401-408.

References

- Vul, S.M. (1977). Possibilities of using statistical methods in forensic research of written speech. Theoretical and methodological issues of forensic research of written speech. Moscow (in Russian).
- Vul, S.M. (1982). Correlation dependence of the number of language errors in the written speech of the Russian monolingual. Abstracts of the VII All-Union Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory. Moscow (in Russian).
- Gomon, T.V. (1988). Experimental study of language structures by statistical methods. Forensic science and forensic examination. Issue 37. Kiev (in Russian).
- Gomon, T.V., Goroshko, E.I. (1990). On the question of the possibility of forensic authorship research of texts with a deformed structure. Criminalistics and forensic examination. Issue 40. Kiev (in Russian).
- Goroshko, E.I. (1999). Features of male and female writing style. Gender factor in language and communication: Sat. scientific. works of MSLU. Issue. 446. Moscow (in Russian).
- Grasmik, L.V. (2011). Establishment of the author of texts of Internet communications in case of deliberate distortion of the signs of written speech. Actual problems of Russian law. No. 2. Moscow (in Russian)

Citation:

Изотова Т.М. Намеренное искажение письменной речи как предмет автороведческого исследования. // Юрлингвистика. – 2020. – 17. – С. 19-21.

Izotova, T.M. (2020). Deliberate distortion of written speech as a subject of authorship research. Legal Linguistics, 17, 19-21.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Подписано в печать 28.09.2020 г.

Дата публикации издания 01.10.2020 г.

Адрес издательства: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

© Алтайский государственный университет, 2020